

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА. — ПЕТРОГРАД.

Москва, Софийна, ул. Рождественки, д. 4/8. Телефон 1-51-21.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗНАНИЯ.

- Бухарин, М. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 366. Ц. 85 к.
- Ваганин, В. Опыт биографии Г. В. Плеханова. С пред. Д. Равакова. Стр. 116. Ц. 40 к.
- Вольфсон, М. В. Очерки обществоведения. Изд. 2-е. Стр. 438. Ц. 1 р. 80 к.
- Зинovieв, Г. и Ленин, Н. Против тетишки. Сборник статей. Изд. 2-е. Стр. 658. Ц. 4 р. 20 к.
- Каутский, К. Критика теории и практики марксизма («Литбуршфейт»). Стр. 287. Ц. 75 к.
- Кунев, Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. Н. Степанова. Изд. 2-е. Стр. 128. Ц. 25 к.
- Ленин, Н. (Ульянов, В.). Собр. сочинений, т. II. Экономические статьи и статьи (1904—1905 гг.). Стр. 463. Ц. 1 р. 30 к. в пер.
- Его же. Собр. сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 646. Ц. 1 р. 30 к. в пер.
- Его же. Собрание сочинений, т. IV. «Ночка», 1900—1905 гг. Стр. 326. Ц. 80 к.
- Его же. Собр. соч., т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.
- Его же. Собрание сочинений, т. VII. Ч. I. 1905—1906 гг. От октября 1905 г. до роспуска 3-й Гос. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к. в пер. 80 к.
- Его же. Собрание сочинений, т. VII. Ч. II. 1905—06 гг. От роспуска 3-й Гос. Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Гос. Думу. Стр. 308. Ц. 75 к. в пер. 1 р.
- Его же. Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 25 к. в пер. 1 р. 25 к.
- Его же. Собрание сочинений, т. X. Материализм и эволюционизм. Стр. 328. Ц. 65 к. в пер. 70 к.
- Его же. Собрание сочинений, т. XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 р. в пер.
- Его же. Собрание сочинений, т. XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 526. Ц. 1 р. 45 к. в пер. 1 р. 80 к.
- Его же. Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г. — 21 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 30 к. в пер. 1 р. 30 к.
- Его же. Собрание сочинений, т. XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Стр. 544. Ц. 1 р. 80 к. в пер.
- Его же. Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в пер.
- Его же. Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 456. Ц. 1 р. 50 к. в пер.
- Его же. Собрание сочинений, т. XIX. Национальный вопрос (статьи 1910—1921 гг.). Стр. 320. Ц. 50 к.
- Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений, т. I. Статьи и письма (1837—1844 гг.). Стр. 564. Ц. 1 р. 70 к.
- Их же. Полное собрание сочинений, т. III. Исторические работы. Стр. 619. Ц. 1 р.
- Их же. Коммунистический манифест. С введением и предисл. Д. Равакова. Изд. 2-е. Стр. 38. Ц. 70 к. в пер. 75 к.

- Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I, кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. В. Вазарова и Н. Степанова. Стр. 107. Ц. 2 р.
- Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. II, кн. II. Процесс образования капитала. Под ред. В. Вазарова и Н. Степанова. Стр. 449. Ц. 1 р. 80 к.
- Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. I. Процесс капиталистического производства, включая и торговлю. Главы: I—XXVIII. Под ред. В. Вазарова и Н. Степанова. Стр. 461. Ц. 1 р.
- Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. II. Процесс капиталистического производства, включая и торговлю. Главы: XXVIII—LII. Под ред. В. Вазарова и Н. Степанова. Стр. 416. Ц. 1 р.
- Его же. Нашего философия. Ответ на «Философию капитала» Прудона. С предисл. и примеч. Ф. Зигельса. Стр. 166. Ц. 80 к.
- Его же. Записка на программу германской рабочей партии. Критика Готтшейн программы. С вступит. статьей Н. Верина. Перевод Н. А. Алексеева. Стр. 97. Ц. 20 к.
- Плаксов, Т. В. Основные вопросы марксизма. С предисл. Д. Равакова. Изд. 2-е. Стр. 126. Ц. 25 к.
- Его же. Социализм, т. I. Статьи до 1911 г. С пред. Д. Равакова. Стр. 394. Ц. 80 к. в пер. 1 р.
- Его же. Социализм, т. II. Статьи 1903—06 гг. С пред. Д. Равакова. Стр. 404. Ц. 1 р. 30 к. в пер. 1 р. 30 к.
- Его же. Социализм, т. III. На русском языке. Статьи 1903—06 гг. Стр. 499. С пред. Д. Равакова. Ц. 1 р. 30 к.
- Его же. Социализм, т. IV. Статьи 1902—04 гг. С пред. Д. Равакова. Стр. 323. Ц. 60 к. в пер. 1 р.
- Его же. Социализм, т. VII. Обоснование и защита марксизма. Ч. I. Стр. 321. Ц. 1 р.
- Его же. Социализм, т. VIII. Обоснование и защита марксизма. Ч. II. Ц. 1 р. 40 к.
- Его же. Социализм, т. XI. Критика науки критиков. Ц. 1 р. 30 к.
- Стахов, Ю. Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883). Стр. 114. Ц. 30 к.
- Энгельс, Ф. Литтл-Дорвич. Стр. 297. Ц. 60 к.

СОЦИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛИЗМА.

- Бер, М. История социализма в Англии. С пред. Ф. Ротштейна. Ч. I. Стр. 229. Ц. 75 к.
- Вобаль, А. Женщины и социализм. Под ред. В. А. Попова. Стр. 488. Ц. 1 р. 20 к.
- Браун, Л. Женский вопрос. Его историческое развитие в его революционная сторона. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.
- Водосвояк, Н. Шарль Фурье. Биографический очерк. Изд. 2-е. Стр. 160. Ц. 30 к.
- Исторические учения Сен-Симона (1823—22 гг.). Перев. М. Ланжуа. С предисл. В. Волгина. Стр. 304. Ц. 75 к.

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АПРЕЛЬ — ИЮЛЬ

1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Vestnik
*GCB

Организационные принципы социальной техники и экономики ¹⁾.

Задача этой статьи заключается в том, чтобы наметить необходимое развитие одной из сторон исторического материализма с научно-организационной точки зрения. Исторический материализм есть учение о связи разных сторон общественного процесса. Его основная схема говорит, что первично развитие определяется в той области, где человек непосредственно сталкивается с природой, — в области технических отношений человека к природе, в области производительных сил. В зависимости от этих технических отношений человека к природе формируются производственные отношения, а в зависимости от тех и других — идеи, нормы, идеология. Следовательно, первичный фактор — техника, ею определяются — экономика и дальше — идеология. Это закономерность развития. Что может и должна прибавить к этому научно-организационная точка зрения?

Сущность ее заключается в том, что имеются общие организационные закономерности, организационные законы, по которым идут процессы организации и дезорганизации в природе и от которых зависят и человеческие организационные методы. Следовательно, человек не *выдумывает* своих организационных методов; они имеют основу в организационных закономерностях природы и являются для человека так или иначе *вынужденными*. Это — основное положение. Далее, применение организационной точки зрения к историческому материализму заставляет

¹⁾ Статья эта, в основе своей, представляет доклад, прочитанный в Социалистической Академии 15 сентября 1921 года. Идет в дискуссионном порядке. (Прим. ред.)

нас иначе формулировать эти три стороны: техника — это организация вещей человеком для общества; экономику мы можем обозначить как организацию людей, точнее — человеческих трудовых активностей, а идеологию как организацию опыта или организацию идей. Таким образом, получается ряд: организация вещей, организация людей, организация идей. В этом ряду, согласно учению исторического материализма, первичным надо считать первый ряд, вторичным — второй и т. д. Отсюда получается вывод, что организационные принципы в той, другой и третьей областях должны быть в такой же связи, т. е. организационные принципы в первой области должны составлять, может быть, конечно, в измененном виде, основу для второй области, и затем для третьей.

Вопрос об идеологии мы теперь оставим в стороне; целый ряд моих прежних работ был посвящен именно выяснению того, каким образом основные формы сотрудничества переходят в основные формы мышления, а это и значит — принципы экономики — в принципы идеологии. Теперь я хочу, в общих чертах, показать, каким образом принципы организации вещей превращаются в принципы организации людей, т. е. в организационные принципы экономики. При этом сама собой получится и проверка того, насколько пригодна и полна организационная точка зрения, насколько она позволяет прийти к положительным результатам: если бы оказалось, что организационные принципы под техникой одни, а под экономикой другие, то было бы опровергнуто наше основное организационно-теоретическое положение.

Как же формулировать организационные принципы социальной техники, чтобы можно было все это выяснить и проверить? Надо искать этих принципов там, где заключается сущность и характеристика самой техники. Где же они заключаются? Человека выделила из природы, поставила в особое среди животного мира положение его особая техника (у животных, ведь, тоже есть техника). Она характеризуется *применением орудий*. Человека так и определяют, как существо, делающее орудия. Следовательно, организационных принципов техники надо искать в отношениях человека к орудью. Мы должны выяснить, как исторически развивалось, в какие принципы уклады-

валось отношение человека к орудью, и затем посмотреть, в каком отношении эти организационные принципы находят к организационным принципам экономики, т. е. к формам сотрудничества, потому что это и есть организационные принципы экономики.

Каково же вообще отношение человека к орудью? Орудие есть не что иное, как предмет, взятый из внешней природы и выполняющий в процессах труда роль дополнительного органа. Так как человек в своей трудовой практике есть существо социальное, то орудие *в конечном счете* представляет вообще орган *коллектива*; как и отдельная рабочая сила, воплощенная в организме работника, является объективно органом коллектива, — хотя это может затемняться анархичным строением общества, формальной разрозненностью его элементов. Но непосредственно орудие может быть связано и с отдельным лицом, выступая как орган *индивидуума в коллективе*; тогда как в других случаях связь орудия с коллективом бывает прямая и очевидная. Именно такая непосредственная связь орудия с коллективом была *первичным* их соотношением в ту эпоху, когда стадно-родовые человеческие группы еще только выделились из животного мира, но еще были далеки от формирования личности, как особого центра интересов и стремлений. Особенно характерно и наглядно выступает эта связь для того орудия, которое явилось основным двигателем выделения человечества среди зоологического мира. Огонь — главное оружие группы в борьбе с неумолимо природою, защита против чудовищно-сильных зверей, против грозного зимнего холода ледниковых периодов, против бесчисленных опасностей, в ночной темноте подстерегавших человека, — огонь был живым центром группы, его поддержание было общим ее делом. Люди, ведь, первоначально и не умели добывать его сами, а пользовались найденным в природе; его угасание означало тогда почти неизбежную гибель группы, как если бы она потеряла свою душу. Но не только огонь, а и другие первобытные орудия, при объективно необходимой теснейшей жизненной сплоченности группы, не могли не быть для нее *стихийно общими*.

Далее, отношение человека к орудью на этой ступени характеризуется столь же *стихийной органичностью*. Иным

оно не могло быть при тогдашнем уровне сознания: преобладали инстинктивные импульсы, размышление почти отсутствовало, человек слабо отличал орудие от своих органов, как не различал еще неодушевленного и одушевленного в природе; он жил с орудием, и орудие жило в его руках.

Третья характеристика: отношение к орудью отличалось величайшей устойчивостью, крайним *консерватизмом*. Если совершенствование орудий и происходило, то стихийно и незаметно для самих людей в ряде тысячелетий.

Жизнь вся была насквозь консервативна, и не могла быть иной, ибо всякое изменение сложившегося ее равновесия угрожало ей гибелью. Только из избытка сил, из прибавочной энергии общества рождается тенденция прогресса; и этого тогда не было.

Теперь мы можем формулировать исторически-первый в развитии социальной техники организационный принцип: это *стихийно органическая, консервативная связь орудия с коллективом*.

Но развитие повело к тому, что этот принцип сменился другим. Орудия совершенствовались, и уже нельзя было избежать того, что и люди, в зависимости от усложнения труда, сами специализировались. Это — два параллельных процесса: орудия дифференцируются, люди специализируются, и уже не каждый в равной степени может владеть всяким орудием. Выступает новая связь — связь орудия не с коллективом, а с индивидуумом в коллективе, с отдельным человеком. Это, как мы говорили, в сущности, тоже связь с коллективом, но связь между орудием и коллективом через отдельного человека. Какая же это связь? Все еще стихийно-органическая и консервативная. Человек в этой фазе развития часто сам делал свое орудие; если же он его и не сделал сам, то, все равно, специализировался в применении этого орудия. Он привыкает к этому орудью, другим он уже не может так владеть, как этим, и пользоваться своим орудием другому человеку он не даст. У него наблюдается тенденция самому применять орудие, он чувствует в нем как бы свой собственный орган. Это — чувство органической связи с данным орудием. Тут приспособление достигает максимума: другим таким же орудием владеть так хорошо он не может. Здесь именно развивается то, что этнологи

называют «чувством собственности» и что с «правом собственности» смешивать отнюдь не следует.

Это относится ко всяким орудиям, но всего ярче сказывается на оружии воинов древних времен. Органическая связь оружия с данным воином — одно из ярких явлений не только эпох более древних, но и эпохи феодальной. Здесь человек с его мечом как бы составляет одно. Есть еще орудие, которое особенно ярко демонстрирует этот принцип. Это живое орудие: лошадь, собака. Если посмотреть на отношения между бедуином арабом и его лошадью или на отношения между охотником и его собакой, то ясно, что эта связь глубоко органическая, вроде кровного родства, и безусловно стихийная. Потерять лошадь арабу, это все равно, как потерять часть собственного тела.

Итак, эти отношения тоже органические, тоже стихийные и тоже консервативные, потому что сама жизнь консервативна, и ее стихийная органичность предполагает, что эти отношения так и остаются, изменяясь лишь с необходимостью для сознания медленностью органического развития. Это — второй организационный принцип: *стихийно-органическая и консервативная связь орудия с индивидуумом в коллективе*. И это опять-таки необходимая ступень развития. Следы индивидуального «срастания» человека с орудием можно найти и сейчас еще в остатках ремесленничества, в крестьянстве, в тех мелких производственных единицах, которые сохранились от прошлого.

Но все же, с ходом развития, и эта связь сменялась иной, при чем изменение подрывало обе ее стороны: и стихийную органичность, и консерватизм. Консерватизм подрывался потому, что ход развития создавал новые условия для этого развития; эти условия подрывали также и стихийность. Например, орудия производились все в большем и большем количестве. Один человек делал их, другой, совершенно чуждый ему, не член его общины, применял; а это уже ослабляло органичность: связь с орудием была особенно сильна в тех случаях, когда человек производил орудие для себя или для кровно-близких людей; теперь же это делалось все реже. Орудия становятся в каждом деле многочисленны и разнообразны; «срастись» со своими орудиями человек не может хотя бы потому, что каждое не так уж долго бывает в его руках:

он располагает целым рядом орудий, рассчитанных на разные случаи. При этих условиях связь уже становится не стихийной, а сознательной. Человек не может уже рассматривать орудие как часть своего тела. Он может переменить орудие, оно может перейти от одного владельца к другому, орудие можно сделать лучше или хуже, его можно совершенствовать. Это уже сознательное отношение. Здесь выступает *третий принцип*: это уже не стихийно-органическая, а *сознательная*, не консервативная, а *пластичная*, т.-е. изменчивая, *связь орудия с индивидуумом в коллективе*. Орудие переходит из рук в руки, оно совершенствуется, человек сознательно стремится его приспособить.

Вот три социально-технических принципа в их смене. Далее, когда орудия усложняются, когда они растут и развиваются, — а вы знаете каким путем это происходит: через *детализацию орудий к машинному производству*, — тогда возникает еще новое отношение. Орудие ремесленника связано с индивидуумом в коллективе, но когда орудие — машина, тогда оно связано уже не с личностью, а с некоторым, большим или меньшим коллективом, потому что машина для своего производства, и даже в общем для своего применения требует работы не одного человека, а многих, и чем она более усложняется, тем более для нее нужно людей. А когда машина начинает применяться широко, то на сцену выступает *система машин*, при которой уже ни одна отдельная машина не является сама по себе орудием, — орудием является только целое. На фабрике масса станков, но станок сам по себе нельзя рассматривать как орудие, так как он не действует без двигателя; но с тем же двигателем связаны и другие станки. Следовательно орудием является лишь целая система механизмов. А с этой системой имеет дело не отдельный человек, а коллектив. Поэтому здесь орудие уже связано не с отдельным индивидуумом, а с коллективом, и с коллективом все более и более расширяющимся. Когда же производство электрифицировано, то и отдельные фабрики не являются орудием, потому что они связаны с электрической станцией. Связь этого гигантски разветвленного орудия возможна отнюдь не с отдельным человеком в коллективе, а с все более и более расширяющимся коллективом. Каждая отдельная часть машины, системы машин становятся все

меньше орудием, потому что они связываются с более широкой системой, и таким образом все более расширяется тот коллектив, с которым связывается орудие. Это — принцип машинной техники. Его можно формулировать так: *сознательная, пластичная связь орудия с коллективом*. Это есть последний из известных нам, высший принцип социальной техники.

Вот принципы социальной техники в их исторической смене. Их нельзя рассматривать так, что сначала явился один, затем он исчез и появился другой, и т. д. Нет, они *накладываются* один на другой. В авторитарно-патриархальной общине можно найти еще и первичную связь, не с индивидуумом, а с общиной, хотя преобладает связь орудия с индивидуумом в коллективе. При машинном производстве также можно найти остатки прежних отношений. Но каждая новая формация все более отбрасывает пережитки предыдущих.

Теперь спрашивается: в какой связи эти принципы могут находиться с экономикой, с производственными человеческими отношениями? Мы сказали: если человек не выдумывает своих организационных принципов, то те принципы, которые тут, в социальной технике, складываются, должны были послужить основой организации социальной экономики. Как же так? Очень просто: там дело идет об отношении орудия к человеку, а в социальной экономике — об отношениях человека к человеку. Здесь человек может рассматриваться как *орудие коллектива* или *отдельных людей* в коллективе. Человек есть орудие для другого человека. В коллективе более сложном — обществе капиталистическом — эта зависимость сказывается особенно наглядно: там человек является прямым орудием другого человека, хотя по существу он и там есть орудие индивидуума в коллективе. Словом, человека можно рассматривать как орудие. В таком случае нам, очевидно, является возможность вывести заранее из четырех принципов, сменяющихся принципов социальной техники, четыре принципа социальной экономики, а именно: там, где мы раньше брали орудие, мы теперь берем человека как орудие и вводим в ту же формулу.

Берем первую формулу: в первобытной организации вещей, в первобытной технике, имеется стихийная, орга-

ническая и консервативная связь орудия с коллективом. Теперь подставляем в эту формулу вместо орудия — человека, рассматриваемого как орудие. Действительно, в первобытной общине каждый человек есть живой орган целого, связанный с этим целым консервативно, бессознательно, стихийно, кровно, а не связями, основанными на расчете, выборе, договоре. Строение первобытного общества в точности соответствует первому принципу социальной техники и само представляет первый принцип социальной экономики. Человек как орудие коллектива стихийно, органически, консервативно связан с ним.

Второй принцип. Здесь орудие находится тоже в стихийной, органической и консервативной связи, но не с коллективом, а с индивидуумом в коллективе. Подставляя сюда человека, получаем, что один человек для другого является орудием, а связь между ними стихийная, органическая, консервативная. Это — вторая стадия развития экономики: примитивный авторитаризм, патриархальный строй. В авторитарном сотрудничестве, в его первичной родовой форме мы имеем второй принцип социальной техники, перенесенный в экономику. Здесь также стихийная, органическая, консервативная связь человека с человеком. И надо сказать, что это связь взаимная, потому что если для патриарха отдельный член общины является орудием исполнения, то и обратно, для члена общины патриарх служит орудием руководства. Переход социально-технического принципа в экономический прекрасно поясняется примером араба и его лошади. Связь между ними как раз похожа на это первично-авторитарное сотрудничество, на связь в патриархальной общине. Таким образом мы видим, что и второй организационный принцип техники стал экономическим принципом.

Возьмем теперь третий принцип, когда орудие находится уже в сознательной, пластичной связи тоже с индивидуумом в коллективе. Попробуем человека как орудие поставить в это положение. Получаем: человек как орудие связан с другим человеком сознательно и пластично. Связь эта, во-первых, сознательная, во-вторых, переменная. Сначала человек *A* пользуется человеком *B*, потом обратно. *A* — крестьянин пользуется *B* — сапожником как орудием для добывания себе обуви; *B* пользуется им как ору-

дием добывания хлеба. Таков третий принцип в экономическом развитии; это принцип меновой. Тут действительно имеются те же самые отношения: человек как орудие в сознательной и пластической связи с другим человеком в коллективе.

Первоначально, как мы видим, эта связь должна быть приблизительно симметричной. Но если эта связь сознательная, то каждый хочет приспособить свое орудие как можно лучше, т.-е. извлечь из него как можно больше; но и тот хочет добыть через первого как можно больше. Человек с человеком в данном случае находится в меновых отношениях, и это оказываются отношения *борьбы*: тот и другой в стремлениях своих сталкиваются, противоположно приспособляя друг друга. Это — отношения противоречия и борьбы сил: *A* приспособляет *B*, (наприм., хочет с него взять побольше в обмене, но *B* также хочет взять побольше с *A*; они торгуются, экономически борются. Пока силы их равны, положение так и остается, что они — взаимно орудия друг для друга; а когда не равны — меняется: один из двух становится в большей мере орудием другого, чем обратно; этот случай называется *эксплуатацией*. Развитие обмена так и шло: сначала обе стороны были приблизительно в равных условиях, а затем одна сторона начинает эксплуатировать другую и, в конце концов, разоряет. Рано или поздно, но в процессе борьбы большая сила побеждает, и чем дальше, тем легче, и, следовательно, получается все более и более устойчивое распадение коллектива на эксплуатируемых и эксплуататоров. Тогда мы получаем картину капитализма, сменяющего собой общество мелких производителей. Здесь одна сторона приспособляет другую с большим успехом, другая — с меньшим, т.-е. эта вторая подвергается эксплуатации. И тут также мы наблюдаем отношения обмена: капиталист эксплуатирует рабочего, но и рабочий, в свою очередь, получает нечто от капиталиста. Значит, формула-то не нарушается, она объективно применяется, но только не равномерно. Вот третий принцип: товарное вообще и в частности капиталистическое общество ¹⁾.

¹⁾ Замечим, что сознательность и пластичность отношения индивидуума к индивидууму вовсе не означает господства сознательности в отношениях коллектива как целого. Напротив, из сознательных инди-

Остается четвертый принцип. Вы легко сообразите, какое общество дает этот принцип. Здесь — сознательная, пластичная связь человека как орудия с его коллективом. Что это значит? Во-первых, то, что эта связь сознается коллективом и личностью, и коллектив старается приспособить личность максимально; во-вторых, эта связь пластичная. А что из этого вытекает? Если связь пластичная, и коллектив стремится приспособить к себе отдельного человека, то он должен его развить так, чтобы человек был в такой переменной связи хорошим орудием; личность будет вступать в разные трудовые отношения, и коллектив должен ее приспособить к разным отношениям. Ясно, что здесь требуется ее всестороннее развитие. Кроме того, так как связь здесь сознательная, то человек является не только орудием, но, взятый не в отдельности, а как член коллектива, сам участвует в определении своей функции. Эту форму сотрудничества я обозначил как *коллективистическую*. Это связь сознательная: коллектив сознательно приспособляет к себе члена коллектива — и обратно; и она пластичная, потому что в изменяющейся системе производства роль человека меняется, и человек совершенствуется. Вы видите, что это — товарищеская или коллективистическая связь. Четвертый принцип — принцип машинного производства, внесенный в область экономики, есть принцип социализма.

Вот, в технике и экономике, все четыре принципа. Историческая смена их здесь соответствует смене их там.

Но тут выступает другое важное обстоятельство, а именно: второй ряд должен отставать, потому что организационный принцип сначала вырабатывается в одной области, а затем переносится в другую. Процесс выработки приспособления требует известного времени; новый принцип должен шаг за шагом распространяться, и люди должны постепенно им овладевать. Вследствие этого, мы должны ожидать, что экономика отстает от техники, т.-е. господство в экономике тот или иной принцип получает позже, чем в технике. Так это и есть на самом деле.

видуальных усилий товаропроизводителей, стремящихся каждый максимально приспособить к себе как свои орудия других, рождается общая стихийность социально-экономической анархии.

Мы знаем, например, что в товарном обществе мелких производителей наблюдается еще масса элементов органической связи орудия с человеком. У ремесленника часто создается неразрывная органическая связь, по крайней мере, с некоторыми его орудиями; ему трудно переменить их. Третий принцип господствует, а второй еще существует. Особенно велико запоздание с четвертым принципом. Это — принцип машинного производства. Он возник тогда, когда явилась машина, сотни лет тому назад. В эпоху капитализма связь, на нем основанная, становится уже гигантской, производство всего мира образует одну систему, а в то же время в экономике господствует капиталистический принцип, т.-е. человек как орудие находится в сознательной и пластичной связи не с коллективом, а с другим индивидуумом. Мы видим, таким образом, что экономика значительно отстает от техники. Мы могли предвидеть уже а priori, что организационные принципы экономики отстают от организационных принципов техники — на основании исторического материализма.

Можно проследить и дальше связь организационных принципов, но для меня важно было наметить самые основные черты. Если взять вопрос о связи двух сфер развития в самом широком охвате, то мы можем сказать: в технике идет дифференциация орудий, а в экономике происходит дифференциация людей, разделение функций между людьми. Если мы возьмем самый масштаб коллектива, то увидим, что и этот масштаб определяется техническими принципами, которые превращаются в экономические. Принцип первобытной коммуны — стихийная, органическая, консервативная связь орудия с человеком, — отсюда: размеры коллектива ограничены, ибо органическая связь человека с человеком не может выйти из рамок прямого жизненного общения. В следующей стадии коллектив опять — таки ограниченный, потому что связь консервативна, она не может неограниченно развиваться: руководитель может руководить только в ограниченном масштабе. Когда же выступает пластическая связь, коллектив может расти бесконечно. Мы знаем, например, что обмен развивается в мировом масштабе. То же самое и относительно четвертого принципа. Это — одна сторона дела. Другая сторона вот в чем. Мы проследили процесс

развития; но надо помнить, что процесс организации и процесс дезорганизации идут рядом, и что в жизни происходит не только развитие, но и разрушение. Может случиться, что в результате дезорганизации жизнь понижается, и тогда мы можем ожидать возвращения к более низкому принципу организации. В истории это не раз и наблюдалось.

Так феодальный строй есть комбинация второго и третьего принципов со значительным еще преобладанием второго, особенно в экономике. Таково феодально-родовое общество гомеровской Греции, Италии, эпохи основания Рима. Усиление меновых связей — третьего принципа экономики — привело к переходу в рабовладельческую систему. Но «пластичная и сознательная» связь между хозяйствами не пошла внутрь отдельных хозяйств; и там связь эта осталась консервативной, в значительной степени даже стихийной. Это положение оказалось противоречивым, развитие пошло в сторону чрезмерной эксплуатации, с одной стороны, паразитизма — с другой: «сознательно пластичное» отношение господ к рабам при отсутствии такого отношения со стороны рабов к ним свелось к тому, что господа всецело односторонне приспособляли свои живые «орудия» к своим интересам. Получилось крушение античного мира, которое вернуло Европу к феодализму, т.-е. преобладанию опять второго принципа.

Более того, третий тип в экономике сам по себе, как мы видели, связан с борьбою, с противоречиями, следовательно, с растратою общественных сил. Вопрос в том, как далеко идет эта растрата фактически. Если она становится очень значительна, то может породить деградацию производительных сил; а тогда можно ожидать понижения и экономического принципа. Так это было с капитализмом: его господствующая до сих пор форма, финансовый капитал, технически уже не вполне прогрессивен. Тут организационный принцип экономики оказывает вредное влияние, способен понижать принцип техники, от которого отстает. Все это должно учитываться.

Только господство четвертого принципа может сколько-нибудь гарантировать обществу непрерывность развития. Третий принцип уже приводил к обратному движению, как это было в античном мире, и отчасти теперь, в эпоху

финансового капитализма. Четвертый же принцип к этому не приведет, он может гарантировать развитие общества и вытеснить собой все прочие принципы. Пока в обществе имеются принципиальные условия дезорганизации, всегда возможно возвращение к более низкой ступени развития, к более низкому принципу техники.

А. Богданов.